

Засодимский Павел Владимирович

Степные тайны

Роман в 2 книгах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Степные тайны: Роман в 2 книгах / Засодимский Павел Владимирович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 471 с.

ISBN 978-5-519-85779-6

ISBN 978-5-519-85779-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ремняхъ. Въ рукахъ онъ вертѣлъ нагайку и поминутно похлопывалъ ею по полу.

Подъ диваномъ, свернувшись, лежалъ сетеръ—рыжий, съ бѣлыми пятнами на мордѣ и на груди. Мухи не давали ему заснуть. Сетеръ то и дѣло поднималъ морду, яростно чавкалъ челюстями и стучалъ зубами, ловя надоѣдливыхъ мухъ.

Наконецъ Иванъ Афанасьичъ, отодвинувъ счеты и грузно навалился на спинку стула.

— Ничего, ладно! пробурчалъ онъ, поглаживая себѣ бороду.

— Посмотри нагайку-то... не твоей чета! сказалъ юноша, поднимаясь съ дивана и подавая ему нагайку.

Тотъ, съ видомъ знатока, живо оглядѣлъ ее, повертѣлъ ею и громко щелкнулъ.

— Кто тебѣ такую смастерилъ? спросилъ Иванъ Афанасьичъ

— Угадай-ка! Не смекнешь! Ей-Богу, не смекнешь! оживившись, заговорилъ юноша. — Максимка Кара-
чевской... Мы за нимъ еще такихъ талантовъ и не знали... Вотъ, поди ты! Да посмотри хорошенько... ручку-то посмотри! Вѣдь, на сто лѣтъ хватить. То-поромъ не перерубишь... Внутри-то у него, тамъ, проволока намотана... И красиво, чортъ возьми! Такой на-гаечки у меня еще отъ роду не бывало. А! Смотри-ка!...

И юноша, перенявъ у Ивана Афанасьича нагайку, началъ помахивать ею у него передъ носомъ: онъ хлесталъ ею по полу, трещалъ по воздуху и нѣжно по-свистывалъ концемъ ея надъ головой.

— Нагайка — живетъ! Ничего! одобрительно замѣтилъ Иванъ Афанасьичъ.

Юноша не былъ такъ сдержанъ.

— Гм! „Ничего“... почти закричалъ онъ, возвышая голосъ. — Да ты такой нагайки еще не видалъ... Вѣдь, это-что! Просто, прелесть? Заглядѣнье...

Видно было, что эта нагайка—великая новость дня. Молодой человѣкъ восторгался. Этою нагайкой онъ можетъ гордиться, можетъ хвалиться передъ всѣми: его нагайка всѣ нагайки за поясъ заткнетъ... Не даромъ же у него такъ разгорѣлись глаза, такъ оживилось его сонное лицо. Видно было, что въ тѣ минуты онъ весь — всѣмъ существомъ своимъ, всѣмъ сердцемъ, всей душой ушелъ въ эту блестящую нагайку. А нагайка, вправду, была очень хороша: прочная, ловкая, длинная вся узористо покрытая гладкимъ чернымъ, тонкимъ ремешкомъ; особенно ручка ея поражала своимъ тщательнымъ наборомъ... Чего только тутъ не было! И серебряная цѣпочка, серебряный наконечникъ, серебряная звѣздочка и лоскутки сафьяна-краснаго, синяго, зеленого, желтаго...

— Вскочила, поди, нагаечка-то, Антонъ Васильичъ, а? спросилъ Иванъ Афанасьичъ.

— Чего „вскочила“?... Не въ деньгахъ дѣло... отрѣзалъ юноша, слегка наморщивая брови.

— А въ чемъ же? Въ нагайкахъ, что ли? промолвилъ хозяинъ съ усмѣшкой, но словъ его Антонъ Васильичъ не дослышалъ, ибо въ ту самую минуту онъ оглушительно треснулъ нагайкой.

— Ну тебя и совсѣмъ... Поди ты! Чего тутъ расстрещался!... Шелъ бы себѣ на улицу... шутливо-брюзгливымъ тономъ замѣтилъ Иванъ Афанасьичъ.

— Кстати о деньгахъ... не слушая его, говорилъ юноша. — Когда же ты намъ деньги-то?

— Сказано — въ субботу.

— Гм! Сегодня, вѣдь, еще вторникъ... И что тебѣ далась суббота?

— А то и далась, что раньше не будетъ. А мамоньку-то ты попроси, чтобы она опять черенула тамъ, на вексель-то. Я тебѣ его завтра или послѣ завтра утромъ пришлю. А ты ужь постарайся.

— Что ты за манеру такую выдумалъ нынче! Право! Чортъ знаетъ... хмурясь, отозвался Антонъ Васильичъ.

— Гм! Поручительство! Обходились же безъ поручителей. Напрасно еще залоговъ не потребуешь!

— Ну, полно ты, шутъ! перебилъ Иванъ Афана-

сичъ. — Для чего залоги? А съ поручителемъ-то все, знаешь, поспокойнѣе...

— Ну, ладно! нехотя согласился Антонъ Васильичъ, взялъ шапку, прихватилъ ружье, стоявшее въ углу, и, попрощавшись, пошелъ къ двери.

— А къ Катѣ не зайдешь? спросилъ его Иванъ Афанасьичъ.

— Нѣтъ... Ужо какъ нибудь на недѣлѣ побываю...

Эти слова были сказаны отрывисто, сухо, почти съ сердцемъ. Дверь хлопнула, Иванъ Афанасьичъ остался одинъ. Черезъ минуту онъ вышелъ въ переднюю. „Погоди, голубчикъ, окрутимъ! Какъ ужъ ты тамъ ни брыкайся, а нашего двора не минешь... Нѣтъ!“ подумалъ Иванъ Афанасьичъ, стоя у окна и глядя, какъ Антонъ Васильичъ шагомъ съѣзжалъ со двора на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ. Въ то же самое время въ открытомъ окнѣ въ мезонинѣ виднѣлась головка съ распущенными свѣтлорусыми волосами, и надутыя губки съ досадой шептали: „Хорошъ! Даже и не зашелъ“... Глаза этой особы, очевидно, тоже слѣдили за уѣзжавшимъ.

Вечеромъ, попозже, идя на мельницу и не доходя до нея нѣсколькихъ шаговъ, Иванъ Афанасьичъ, приостановился и какъ-то странно — не похоже на него — задумчиво, мечтательно посмотрѣлъ вокругъ себя и за-

глядѣлся на разстилавшуюся передъ нимъ окрестность. Отсюда, съ бугра, далеко было видно.

Вотъ онъ, Рукавицынъ хуторъ, весь какъ на ладони. Тотъ маленький, невзрачный домишка съ соломеннымъ кровомъ, низенькій, почернѣвшій отъ дыма, тотъ домишка, въ которомъ начали въ добрый часъ свое вольное житье-бытье покойные родители Ивана Афанасьича, давнымъ-давно уже снесенъ. Въмѣсто него воздвигнутъ настоящій барскій домъ — одноэтажный съ мезониномъ, съ большими свѣтлыми окнами и съ желѣзной кровлей. Просторный дворъ обнесенъ высокимъ, частымъ плетнемъ, а ворота — тесовыя, съ навѣсомъ и съ такимъ тяжелымъ засовомъ, что не всякому въ мочь поднять его сразу. Съ двухъ сторонъ двора шли конюшни — длинное, низменное строенье; съ третьей стороны, поодаль, возвышался амбаръ; поближе къ дому стояли два флигеля, жилища „молодцовъ-прикащиковъ“ Ивана Афанасьича; съ четвертой, полуденной стороны расходился садъ, разведенный еще покойными стариками. Садъ окруженъ тыномъ. Изъ него черезъ маленькую калиточку можно пройти прямо на берегъ рѣки. Вызѣма — рѣчка не широкая и не глубокая, но быстрая и чистая, съ песчанымъ дномъ и съ крутыми обрывистыми берегами. Съ полуночной стороны мѣстность за хуторомъ изрыта оврагами, а далѣе надвигаются лѣса.

На восточной сторонѣ, за ржаными полями, видны соломенные крыши и бѣлѣть колокольня: то — село Барково. На полдень, почти въ такомъ же разстояніи отъ хутора, темнѣетъ барскій марьинскій садъ; самаго же дома изъ-за пригорка не видать. На западъ тянутся степи, а гдѣ конецъ имъ? того барковцы наши не знаютъ... Всѣ эти давно знакомыя мѣста охватывалъ теперь глазъ Ивана Афанасьича, и владѣлецъ Рукавицына хутора, повидимому, остался доволенъ такимъ зрѣлищемъ.

Придетъ время, пробьетъ часъ (и онъ уже близокъ) — барское Марьино соединится крѣпкими узами съ Рукавицынымъ хуторомъ, прилѣпившимся такъ себѣ, зря, на-юру. И будетъ это одно владѣнне — отсюда и досюда — и перейдетъ оно въ вѣдѣніе Ивана Афанасьича, въ награду за его предусмотрительность. Старуху, Антошину мать, оттереть нетрудно. „Тогда не надо только зѣвать! Тогда можно будетъ заводить дѣла и на широкую ногу. У—у, какія дѣла!... Страсть!“ Самодовольно прищурился Иванъ Афанасьичъ и еще самодовольнѣе поглядѣлъ на марьинскія владѣнія, блиномъ примыкавшія къ землямъ Рукавицына хутора.

Иванъ Афанасьичъ Рукавицынъ 15 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1864 году, записался въ купцы. Родомъ онъ былъ крѣпостной господъ Чулышевыхъ — (ихъ усадьба, Павловское, въ 10 верстахъ отъ хутора, и по сіе время стоитъ въ запустѣніи и догниваетъ свой вѣкъ). Покойная мать Ивана Афанасьича сподобилась благополучно вскормить грудью барскаго первенца и за то со всею семьей была отпущена на волю и награждена сотнею десятинъ земли. Послѣ того ей посчастливилось выкормить еще двухъ барчатъ; за cadaго вскормленника мамка опять таки получила по 25 десятинъ. Кромѣ того, ей перепадали и денежки и разные подарочки — платки, платья, шубы. Разъ даже барыня подарила ей на обзаведеніе телушку отъ своей Красавицы-Холмогорки. Сама кормилица такъ же, конечно, живя въ барскомъ домѣ, не зѣвала и норовила припрятывать себѣ въ карманъ все, что можно было въ него припрятать. Понятно, что Рукавицыны зажили, какъ у Христа за пазухой. Они построили себѣ хуторокъ, огородили его плетнемъ, развели бакчу и садъ, на берегу рѣчки, и свои 150 десятинъ обкопали отъ чужихъ владѣній глубокими канавами. Все это происходило давно, очень давно, лѣтъ 45 тому назадъ, когда Иванъ Афанасьичъ малымъ мальчуганомъ бѣгалъ еще безъ портокъ и кликали его Ванюшкой. Хуторокъ съ тѣхъ поръ при-

страивался и отстраивался, садъ разрастался, хуторскія владѣнія понемногу расширялись, старыя канавы обсыпались, прорывали новыя—по новымъ межамъ. Въ то время, какъ барская усадьба разваливалась, рощи и сады ея хирѣли, хуторокъ блестѣлъ своими новыми, бревенчатыми стѣнами, цвѣлъ и благоденствовалъ. Для Рукавицыныхъ все шло хорошо, какъ слѣдуетъ.

Старикъ въ свое время, какъ водится, померли; Ваня женился, водилъ жену въ чистомъ тѣлѣ и прижилъ съ нею трехъ ребятъ—двухъ сыновей и дочку. Сыновья его умерли еще во младенчествѣ „отъ зубковъ“, а 7 лѣтъ тому назадъ и жена его отошла въ селеніи праведныхъ. Осталась у Ивана Афанасьича только одна дочка, Катя.

По клочкамъ у того — у другого Рукавицынъ скупилъ десятинъ 500 земли, что съ отцовскимъ наслѣдствомъ составило довольно крупное владѣніе и цѣнное—если взять въ расчетъ, что въ тѣхъ сторонахъ десятина стоила 100 и 120 руб. Обработка земли происходила у него на очень выгодныхъ для него условіяхъ. Зиму и лѣто работали на него сосѣдніе мужики, не выходившіе никогда у него изъ долговъ. Онъ называлъ ихъ (въ шутку, разумѣется) своими „врѣпостными“. Только немногіе изъ помѣщиковъ—помоложе, да половчѣе—смогли поѣхать на однихъ полозьяхъ съ кулаками. Вообще же у по-

помѣщиковъ шло не хозяйство, а какое-то вавилонское столпотвореніе. Никто ничего не понималъ, а всѣ только злились. Иные помѣщики ругались открыто и отступались отъ хозяйства, сдавая земли на аренду; иные проживали послѣдніе гроши и входили въ долги для поддержанія хозяйства; другіе-же, побогаче, уѣзжали — кто куда.

— Извѣстное дѣло! говаривалъ Иванъ Афанасьичъ о помѣщикахъ-старикахъ. Новые-то порядки имъ еще не въ привычку. Вольнонаемный-то трудъ имъ не съ руки... Надо во время и принанять и на работѣ поприсмотрѣть. А ихъ дѣло барское! Куда имъ! Спать они до обѣда иной разъ, нѣжатся; потомъ тоже гости, тары да бары. За народомъ глазъ нуженъ... И съ мужиками то же обращаться еще не умѣютъ: они все хотятъ по-прежнему, какъ до воли, крикомъ да руганью взять. Нынче такъ нельзя...

А Ивану Афанасьичу новые порядки пошли въ прокъ, и вольнонаемнаго труда онъ совсѣмъ не чурался, какъ то дѣлали бары. Въ голодную пору, т. е. осенью до обмолога хлѣба и въ концѣ зимы, когда крестьяне сѣдали весь хлѣбъ, Иванъ Афанасьичъ нанималъ рабочихъ за половинную плату и выдавалъ имъ малые задатки подъ работу будущаго лѣта. Изъ-подъ палки, подъ угрозой голодной смерти шелъ крестьянинъ рабо-

татъ на Рукавицынъ хуторъ. Вотъ это-то Иванъ Афанасьичъ и называлъ „вольнонаемнымъ трудомъ“... Запашки, впрочемъ, у него было немного, около 200 дес. За то сѣна у него накашивалось много: сѣно было ему нужно. Рукавицынъ барышничалъ лошадьми. Онъ скупалъ ихъ въ сосѣднихъ губерніяхъ, и особенно много — по его словамъ — приводили къ нему коней изъ „Пензенской губерніи“. Изъ-за этого промысла на Ивана Афанасьича разъ даже большія непріятности обрушились. Въ числѣ лошадей, пригнанныхъ къ нему однажды изъ „Пензенской губерніи“, оказалась одна краденая. Много вышло тогда шуму и толковъ. Такъ какъ эта исторія случилась лѣтъ 5 тому назадъ, то она и успѣла уже позаглохнуть... Бромъ того Рукавицынъ въ селѣ Барковѣ — въ 3 верстахъ отъ хутора — завелъ лавочку со всякимъ товаромъ. При хуторѣ стояла большая, хорошая мельница — вѣтрянка. Поэтому, Иванъ Афанасьичъ могъ скупать хлѣбъ у помѣщиковъ и у крестьянъ и съ порядочнымъ барышемъ продавать муку. У Рукавицына много было разныхъ промысловъ — источниковъ наживы, но конское дѣло было первымъ дѣломъ, хотя онъ и показывалъ видъ, что кони для него — такъ себѣ, „между прочимъ, между дѣломъ“. Иванъ Афанасьичъ любилъ лошадей и зналъ въ нихъ толкъ получше всякаго заправскаго барышника. Самъ онъ от-